

А.С.Дмитриев

**КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И
ФРАНКФУРТСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Дмитриев Александр Станиславович — аспирант Института социологии РАН.

На Западе бытует мнение, что русские провалили дело революции, социализма из-за своей генетической непригодности. Если бы дело доверить "западным товарищам", все могло быть иначе. Более того, если бы Запад помог русской революции, то и результат был бы другой. "В октябре 1917 года большевики (коммунисты) — малочисленная непредставительная и уже в зародыше тоталитарная партия — узурпировали власть и таким образом предали русскую революцию, — пишет С.Коуэн. — С этого момента и далее советская история была предопределена тоталитарной динамикой коммунистической партии, персонифицированной ее лидером Лениным. Это монополистическая политика, безжалостная тактика, идеологическая ортодоксия, программный догматизм, дисциплина в руководстве и централизованная бюрократическая организация" [1, p. 5].

Такого рода установка (не всегда явная) оказывает существенное влияние на отбор и тематизацию исторического материала о революционном процессе в первой половине нашего столетия. Революционная деятельность интеллектуалов, например, Германии, является не то чтобы закрытой, но как бы не одобряемой областью. Даже благосклонные к "русским" эксперты склоняются к тому, что при подготовке революции в Германии было все — и кризис, и желание рабочих бороться, а не хватало лишь решительного руководства [2, p.9]. Между тем, предварительное и весьма неполное расследование показывает, что проблему можно поставить по-другому: несмотря на активную поддержку России, западный мир не сумел совершить революцию.

Фокус исследований, связанных с Франкфуртской школой, смещен в сторону чисто теоретического анализа работ ее представителей.

Историки и социологи гораздо больше волнует, что писали, скажем, Дьердь Лукач или Вальтер Беньямин, нежели что они делали в свободное от сочинений время. Представления об основании Франкфуртской школы изложены Ф. Слейтером следующим образом: "Франкфуртский институт социальных исследований, родной дом того, что позднее стало известно как Франкфуртская школа, был основан в 1923 году и официально открыт в июне 1924 года. Главными архитекторами, стоящими за тем, что представляло собой это творение, а именно, уникальный институт, были Феликс Вейл (родился в 1808 г.), Фредерик Поллок (1894-1970) и Макс Хоркхаймер, позднее директор Института. Эти коллеги в начале 20-х годов проявили взаимный интерес в этой плохо освоенной области, и Вейл, вместе со своим отцом, Германом Вейлом (крупным бизнесменом), выделил необходимые суммы для основания соответствующего здания и содержания оплачиваемого штата..." [3, p.9]. Кстати, "необходимые" суммы составляли 30 тыс. долл. ежегодно, не считая дополнительных вложений, как, например, 100 тыс. долл., внесенных Феликсом Вейлом в 1935 году.

Основание Франкфуртского института связывается с научными и творческими намерениями его основателей. Соответственно отбираются архивные документы и личные интервью с "франкфуртцами". Во всяком случае большинство авторов склонны считать, что основание Института происходило более или менее спонтанно. Так, Т. Боттомор пишет: "Вейл намеревался и далее проводить подобные встречи, но, когда возникла идея

создать постоянный центр изучения марксизма, он сосредоточил свои усилия и финансы на этом проекте" [4]. Здесь необходимо уточнить, что речь шла о замене эпизодических встреч активных политиков-нелегалов постоянным центром.

Именно из политиков-нелегалов сформировался состав Института. Летом 1922 года в Иллуменау состоялась полу подпольная встреча нескольких товарищей, которая носила название "первые марксистские рабочие недели" и ставила своей задачей восстановление истинного марксизма. Среди участников были Дьердь Лукач, Бела Форагаси, Константин Цеткин (сын Клары Цеткин), Борис Ронинген, а также Рихард Зорге — позднее знаменитый советский разведчик.

Первые недели стали и последними, а участники этого события собрались один раз вместе, чтобы выполнить какую-то миссию и больше никогда не встретиться в таком составе. Более того, лишь часть участников встречи можно условно отнести к "ученым". Значительное число — профессиональные революционеры, активно сотрудничающие с "русской" стороной.

Ронинген, например, был напрямую связан с Бухариным и Зиновьевым. Сын Клары Цеткин представлял саму Клару, поскольку состояние здоровья в тот период не позволяло ей участвовать во встрече. Кроме того, и внутри группы существовали достаточно тесные контакты. Так Феликс Вейл с 1919 года поддерживал выпуск газеты "Malich" (официально она возглавлялась Веландом Герцфилдом), которая была связана с коммунистической партией Германии. В этой газете было опубликовано несколько работ Лукача.

Вероятно, на Вейла рассчитывали как на источник финансирования проекта. Просматривается четкая связь между Вейлом и Лукачем. Лукач имел тесные контакты с Москвой. Во время войны (с 1915 года) он занимал пост военного цензора, просматривал письма с фронтов, это было очень важно для России. Среди участников встречи был еще один "человек Москвы", Рихард Зорге.

Продуманная Лениным схема "рабочих корреспондентов" имела целью получение информации из-за рубежа простым, надежным и легальным способом. Ленин обратил внимание на работы Лукача, когда создавал "Детскую болезнь левизны в коммунизме".

Очень важный момент, обычно упускаемый из виду историками — стремительный взлет Лукача в партийной иерархии в послевоенный период. Он вступил в партию в 1918 году, неожиданно для своих друзей Макса Вебера и Томаса Манна. Год спустя он писал своему другу Полю Эрнсту, что тот не должен удивляться направлению его деятельности; можно удивиться лишь высоте его положения [5].

Таким образом, сам Лукач считал необходимым разъяснить свои неожиданные успехи в коммунистической карьере. Нет нужды говорить, что если с 1919 года Лукач являлся членом ЦК, с 1920 года — членом "Коммунизмуса", официального органа Интернационала, копии которого доставлялись непосредственно Ленину, то участие Лукача в основании Института в 1922 году вряд ли было случайным.

Практически все участники встреч, кроме Вейла, Хоркхаймера и Виттфогеля, в дальнейшем словно растворились в воздухе. Лишь Зорге еще появляется на сцене. Современные исследователи просто теряются в догадках, когда пытаются понять, что он вообще в этом Институте делал. Ф.Деакин и Г.Сторри пишут: "Она (Кристина, жена Зорге. — А.Д.) была принята на работу на определенный период в качестве библиотекаря института, в то время как ее муж, помимо связей с Феликсом Вейлом, похоже не имел определенных функций или контактов" [6, p.33].

Рихард Зорге родился в 1895 году в России. Его мать — русская, отец — немец, Адольф Рихард Курт Зорге. В 1885 году он приехал в Россию, вернулся в Германию в 1905 году [7, с.3]. Интересно, что двоюродный дедушка Рихарда, Фридрих Зорге, был членом Американской секции I Интернационала, организованного К.Марксом, и даже работал генеральным консулом. Этот факт даст о себе знать позднее, когда Рихард по какой-то странной причине "перепутает" родного дедушку и двоюродного, давая показания японцам.

В 1914 году Зорге на фронте. Два раза он был ранен, в госпитале познакомился с Эрихом Корренсом, председателем президиума Германского национального фронта. Итак, согласно самому Зорге, он познакомился с марксизмом в 1916 году.

Между тем история второго ранения крайне интересна. За два дня до ранения Зорге при невыясненных обстоятельствах проводит сутки на территории, занятой русскими войсками. Согласно официальной советской версии, он был без сознания и его приняли за мертвого [8]. Пролежать сутки в бессознательном состоянии — свидетельство серьезной контузии. Между тем Зорге, появившись вновь на германской территории, даже не обратился в госпиталь. А через два дня, после настоящего ранения, он был немедленно госпитализирован. В январе 1918 года Зорге был освобожден от службы в армии и направлен на обучение в университет, где познакомился с доктором Куртом Герлахом, оказавшим влияние на молодого студента [6, p.26]. В 1918 году он вступил в Компартию Германии, в 1919 году переехал в Гамбург. Весной 1919 года профессор Герлах стал работать в Аахене и пригласил к себе Зорге в качестве ассистента. Исследователи отмечают, что Зорге в тот период занимался созданием молодежных групп по изучению марксистской литературы и формированием будущей партийной элиты.

Первая цель вполне совпадает с задачей участников "марксистской рабочей недели", а вторая несколько отличается от задачи "восстановления марксизма в его чистом виде". Необходимо учитывать, что "Германская коммунистическая партия с самого своего основания рекрутировала секретные военные кадры, известные как "аппарат М", организованные по территориальному признаку" [6, p.28].

В то же время один из лидеров советской военной разведки в Европе, Игнасий Райе, по кличке "Людвиг", курсировал между Москвой и Берлином и встречался с Зорге [6, p.29]. Таким образом, к 1923 году Зорге уже более трех лет активно участвовал в работе советской военной разведки. Сам он по ряду причин относит начало своей деятельности к 1924 году, но, видимо, как и в случае с двоюродным дедушкой, вводит историков в заблуждение. Тогда же Зорге получил степень доктора в Гамбургском университете и активно сотрудничал в коммунистической газете в Золингене [6, p.30].

Вернемся к ленинской идее о рабкорах. Ж.Перро, описывая методы советской разведки, называет эту идею "великолепной".

"Советский Союз имел шпионскую сеть, действующую во Франции, которая была изумительно проста по концепции и в то же время поразительно эффективна. Она строилась на системе рабкоров, использовала "рабочих корреспондентов". Идея была подана самим Лениным. "Рабочие корреспонденты", или "рабкоры", собирали информацию по всей Европе, особенно в Германии, Франции, а затем эта прямая информация использовалась разведкой" [9, p.35].

Учитывая, что Германия рассматривалась Лениным как база для разжигания мировой революции, система рабкоров получила развитие прежде всего в этой стране. Данный факт позволяет прояснить, почему Лукач, корреспондент и одновременно военный цензор, так "взлетел" по партийной лестнице. Что касается Зорге, то есть прямые указания: он контактировал с военной разведкой задолго до 1924 года. "Похоже ...Зорге был уже известен некоторое время советской военной разведке и вместе с другими германскими товарищами, обладавшими военным опытом, был приглашен в Москву во время встречи во Франкфурте (в 1924 г. — А.Д.) в результате операции по спасению экспертов такого рода для службы в Советском Союзе" — пишет Ж.Лерро [9, p.39].

Ф.Д.Волков утверждает (опираясь на личное дело), что уже в 1919 году Зорге был связан с Тельманом и "молодой Советской Республикой" [7, p.39]. Он также свидетельствует, что Тельман лично отдал Зорге приказ создать коммунистическую организацию и стать ее лидером в Гамбурге в 1919 году. Эти сведения подтверждают и другие источники, с еще более конкретным указанием места и времени их первой встречи. "Здесь, в районе Эппендорф, на Симсенштрассе, 4, Зорге встретился с руководителем гамбургской организации независимой социал-демократической партии Эрнстом

Тельманом... Повседневное общение с Эрнстом Тельманом стало для Рихарда Зорге серьезной политической школой" [8, p.39]. Речь идет о начале 1919 года.

Позднее профессор-коммунист Курт Герлах устроил Зорге преподавателем Высшей технической школы в Аахене [10, p.41]. Он стал членом горкома партии. В деятельности Зорге можно проследить определенную схему: в каждом новом городе он создает студенческую организацию и поступает в университет [8, p.40].

Здесь необходимо сопоставление с другой информацией. "Организационное бюро было основано на IV Конгрессе Коминтерна в 1922 году, центральный исполком Коминтерна уполномочил новую секцию нести ответственность за всю нелегальную деятельность за границей, что включало в себя организацию подпольных ячеек для развертывания гражданской войны через систему местных Коммунистических партий" [6, p.41]. Западные исследователи полагают, что Зорге "действовал, не сознавая своей связи со службой по международным контактам Интернационала, этой шпионской организацией" [6, p.41]. На самом деле он был активным агентом Коминтерна.

На съезде Германской коммунистической партии в 1921 г. в Йене Зорге под кличкой "Роберт" встречался с русскими эмиссарами.

В октябре 1922 года Зорге перебирается во Франкфурт, чтобы занять должность ассистента на факультете социальных наук. В то же самое время он активно участвует в партийной деятельности. Мнение о Зорге как о человеке, "не имеющем определенных функций и контактов", беспочвенно. Именно в это время началась подготовка к неудавшейся революции в Германии, которая должна была перейти, по замыслу ее советских режиссеров, во всемирную революцию. В эти годы вопрос о том, когда произойдет революция в Англии, Германии, Америке, был одним из самых острых в кремлевских кругах.

В 1920 году, свидетельствует Г.Уэллс, вера в мировую революцию "уже начала ослабевать". Более того, "когда они (коммунисты — А.Д.) начинают понимать, что их привела к власти не предсказанная Марксом революция, а нечто совсем иное, они, естественно, стремятся установить новые связи" [11, с.347]. В 1923 году Советы уже активно участвовали в подготовке мировой революции. Для Зорге во Франкфурте основной, конечно, была работа внутри франкфуртской партийной организации. Был нужен квалифицированный преподаватель на партийных курсах. И, конечно же, был нужен советник коммунистической газеты... Но это была лишь внешняя сторона его деятельности. Главное состояло в другом: Зорге отвечал за всю секретную переписку и партийный архив, был связным между франкфуртской партийной организацией и центральным комитетом в Берлине. Ему доверили партийные денежные фонды. Он считался самым надежным и неподкупным человеком. Партийные деньги и пропагандистские материалы хранились в университетской комнате Рихарда или же в библиотеке факультета социологии [8, p.45].

10 октября 1923 года правительство Саксонии, которое официально было социал-демократическим, приняло в качестве членов кабинета трех коммунистических лидеров: Генриха Брандлера, Поля Ботчера и Фрица Хекерта. Брандлер только что вернулся из Москвы после контакта с главой разведывательного отделения в Европе, где согласился при финансовой поддержке русских, а также при обещанной ими военной поддержке, начать подготовку вооруженного восстания в Германии.

Большинство исследователей полагают, что Зорге в тот период был хранителем партийных фондов и держал их, скорее всего, в помещении библиотеки Франкфуртского института. "Он был ответственен за хранение партийных фондов и пропагандистских материалов, либо в своем кабинете, либо в библиотеке социальных наук Института" [6, p.34]. Человек, держащий партийную кассу — это второй, если не первый человек партии. Таким образом, институт играл роль "крыши" для деятельности коммунистов. Зорге был настолько вовлечен в эту деятельность, что нес ответственность за провал восстания. "Фиаско коммунистического восстания в Германии в октябре, проведенного по приказу из

Москвы ...оказалось предметом обсуждения... Одна из таких встреч произошла на квартире Зорге во Франкфурте, согласно воспоминаниям ...фрау Майер" [6, p.34].

Роль "фрау Майер" недостаточно освещена исследователями Франкфуртской школы, поскольку она не имела никакого отношения к науке. Между тем она была напрямую связана не только с Феликсом Вейлом и Зорге, но и с более влиятельными историческими лицами.

Роза Майер родилась в еврейском гетто в 1890 году в Грочеке. Ее отец был раввином. В возрасте 20 лет она отправилась на заработки в Германию. Была лично знакома с Люксембург, Либкнехтом, Радеком, Бухариным, Цеткин, Зиновьевым, Лениным, Троцким. Была женой сначала одного, а затем другого лидера Германской компартии.

Ее воспоминания несомненно заслуживают внимания. Из них следует, что организация Института — часть операции по подготовке октябрьского революционного восстания в Германии.

"Лето 1920 года было временем, когда русские представители начали просачиваться в Германию, чтобы посмотреть Запад, поучиться — и обращать [в свою веру. — А.Д.]. Меня приглашали на конференции и частные встречи, где я видела некоторых главных архитекторов русской революции. Одним из них был легендарный Артем (Сергеев), любимец Ленина...

Я встретила Лозовского, который стал знаменит во время Второй мировой войны как шеф пропаганды, нечто вроде русского Геббельса... Я была приглашена как его личная переводчица" [12, p. 11,13].

С.А.Лозовский вместе с неким Гуральским, по кличке "Кляйне", были первоклассными разведчиками и организаторами восстаний по всему миру, воплощавшими идеи Ленина, Троцкого, Зиновьева. Однако, несмотря на конспирацию, "концы" иногда всплывали. Например, простой крестьянин, секретарь Коммунистической партии Сан-Сальвадора, Мигель Мармоль указывает на Лозовского как на организатора подготовки революции в Сан-Сальвадоре в 1930-х годах [13, p. 194]. Примечательно, что в русском переводе его книги, вышедшей под названием "Гнев и боль Сальвадора", все, что касалось встреч с Лозовским, исчезло. Дело в том, что Мармоль восторженно описывает, как товарищ Лозовский играл в показательные суды, "поднимал ножку, как собака" и т.д. Именно эта наивная восторженность и делает свидетельство Мармоля особенно ценным. Кстати, он раскрывает и методы работы советской разведки по вербовке подобных агентов. Д.З.Мануильский запугал делегатов тем, что по всей Европе их разыскивает полиция многих стран, что они будут подвергаться смертельной опасности при возвращении домой, а затем предложил остаться года на четыре в Союзе и "поучиться". Некоторые согласились, например Аквилано Мартинес и Хосе Сентено. Мармоль же стремился в Сальвадор поскорее делать революцию и с сожалением отказался.

Напомним, что Лозовский лично контактировал с Зорге в период его работы в Институте. Есть свидетельство, что "Кляйне" занимался организацией прикрытий для разведывательных операций и в других странах. Так, Энрике Дельгадо пишет: "Каждый раз, когда требовалоськрытие для операции, проводимой в какой-нибудь латиноамериканской стране ...обращались к нему (мелкому исполнителю. — А.Д.), и лишь в наиболее серьезных случаях — к Кляйне" [14, p.130]. Он же упоминает, что от "русских" ежемесячно приходила сумма в 45 тыс. песет. Деньги шли через некоего Горьева, который фактически был Берзиным [14, p.201]. Не будем приводить многочисленных свидетельств того, что в Испании с 1922 года постоянно действовали одни и те же фигуры — Кляйне, Арнольд Лозовский, Мануильский. Испанцы, например, приезжали в Москву для беседы с Дзержинским, а переводчиком у них оказывался лично Мануильский [15].

Осенью 1920 года Роза вышла замуж за Эрнста Майера, с которым они работали вместе в РОСТА. "Ленин, который внимательно следил за активностью германской

партии ...очень доверял ему (Эрнсту. — А.Д.). Именно по настоянию Ленина Эрнст должен был возглавлять будущий Съезд" [12, p. 17].

Ленин и Троцкий пристально следили за событиями в Германии и направляли их. Периодически лидеры Германской компартии посещали Москву, обсуждали проблемы с Лениным и его ближайшим окружением.

Эрнст в одном из писем к жене сетовал, что Ленин сильно недоволен им, но "дружески хлопал по плечу Леви", другого германского коммуниста. В другой раз, вспоминает Роза, Эрнст встречался с Троцким и "остался глух к его критике" [12, p.20]. Участие Зиновьева также было более чем интенсивным. Эрнст, хотя и относился критически ко многим предложениям и советам из Москвы, в большинстве случаев был вынужден подчиняться. Так, в письме к жене он пишет: "Гуральский сделался невыносим", а письмо Зиновьева о необходимости немедленной стачки называет "глупым", но тут же добавляет: "все, что касается Зиновьева, конечно, строго между нами!" [12, p.27].

Эрнст Майер занимал с февраля 1921 года по январь 1923-го пост Председателя Политбюро, т.е. был главой Германской коммунистической партии. Свидетельства его жены подкреплены оригиналами писем и другими аутентичными документами. Зорге лично знал Эрнста и встречался с ним в этот период.

Идея организации Института в качестве "крыши" для деятельности компартии кажется не совсем обоснованной. Ошибочно во всех исторических событиях, связанных с революциями и восстаниями, искать "руку Москвы". Более того, именно провал революции в Германии показывает, что при определенном историческом раскладе "рука" бессильна, хотя и может оказать существенное влияние на развитие событий.

И все-таки в пользу того, что Институт был создан в качестве "крыши" для агентов Коминтерна, свидетельствуют следующие факты: по времени и географии организация Института и подготовка к революции совпадают; в обоих случаях в мероприятия вовлечены одни и те же лица; есть прямые указания на использование Института в качестве "крыши"; существовала отработанная схема создания подобных "крыш", хорошо описанная на примерах других стран и времен, но с теми же действующими лицами.

Ниже мы подробно остановимся на схеме создания такого прикрытия, с тем, чтобы представить, как это могло произойти в случае с Институтом. Надо учитывать, что Зорге к тому времени был однажды арестован и чудом избежал гибели, а как держатель партийных фондов он нуждался в абсолютно надежном прикрытии. Кроме того, из его биографии видно, что впоследствии он создавал для себя в Японии крупные фирмы (например, по продаже радиотоваров), чтобы обеспечить подобное прикрытие. Деньги значения не имели.

Интересно, что в августе 1922 года, за год до организации Института, Эрнст вместе с Кларой Цеткин посетил один из первых показательных процессов в Москве. Еще одна ниточка — напомним, что сын Цеткин участвовал во встрече, где обсуждалась сама идея создания Института. В 1922 году Ленин лично приглашает для дискуссии Эрнста Майера и дает ему указания.

В апреле 1924 года во Франкфурте, за два месяца до официального открытия Института, состоялся IX съезд центрального комитета Германской коммунистической партии. Не только Зорге, но и Эрнст Майер активно участвовали в его работе. С чисто практической точки зрения, Институт был великолепным предложением для приглашения нужных людей со всего мира. Совпадения эти вряд ли случайны.

Кажущееся "отсутствие функций" у Зорге вполне объяснимо: он был завален партийной работой. Кстати, Рихард являлся личным телохранителем и сопровождал Осипа Пятницкого, Дмитрия Мануильского, Соломона Лозовского, встречался со многими представителями Советского Союза. Одна встреча особенно важна. В конце 1923 года ведущий марксистский ученый и глава Института Маркса-Энгельса в Москве, Давид

Рязанов, приехал в Германию... Зорге встречался с ним в Берлине и во Франкфурте [7, р.34].

Когда японцы вели допрос арестованного ими Зорге, они интересовались обстоятельствами его встречи с Рязановым. Зорге выдал одного из помощников К.Маркса Фридриха Альберта Зорге за своего собственного дедушку, и сказал, что он мог передать Рязанову "два или три письма от Маркса" [6, р.35]. Исследователи полагают, как полагали и японцы, что Зорге совершил ошибку, перепутав родного и двоюродного дедушек. Среди документов, изъятых у Зорге во время ареста, был найден сертификат, где черным по белому написано, кто истинный дедушка.

Ошибка выглядит слишком нарочитой и не получила объяснения. Мало того, Зорге обладал феноменальной памятью, что отмечено его русскими биографами. "У него была "жажда" на людей. Он их всех помнил, так как обладал исключительной памятью. Он обладал всеми родами памяти: памятью мест, вещей, форм, памятью на чувства, звуки, запахи; он мог буквально воспроизводить раз прочитанное..." [8, р. 17,18].

Скорее всего, Зорге должен был скрывать истинную причину приезда к нему Рязанова и поэтому придумал фиктивную. Действительно, высокопоставленный большевик приезжает не к директору Института, призванного восстановить истинный марксизм в Германии, не к своему коллеге, а к рядовому ученому, кроме того, с непонятными функциями. Чем же столь притягательным для Рязанова обладал Зорге?

Подобно Грюнбергу, Рязанова не интересовала практическая работа. Он был ученым, которого занимали аутентичные документы и живые свидетельства истории социалистического движения. Он появляется вскоре после провала революционного восстания в Германии и встречается с Зорге. Наиболее вероятно, хотя это и относится к области догадок, что его интересовали прежде всего документы по подготовке восстания. И понятно, почему Рязанов пришел не к директору Института: тот был "куклой", не участвующей в реальном историческом процессе. А Зорге в библиотеке Института делал историю.

Какова же схема создания "прикрытия"? Жиль Перро в своей книге "Красный Оркестр" подробно описывает, как "Кляйне" (Гуральский) воплощал подобную схему во Франции: "Еврейский бизнесмен Лео Гроссвелль ...попал под влияние проекта, который обрисовал ему Треппер (человек из России. — А.Д.). Треппер имел на счету 10 тыс. долларов. Его идея заключалась в том, чтобы вложить их в экспортный бизнес, который будет служить как прикрытия для деятельности разведсети... Была создана новая компания... Управление было поручено марионетке, ...Жюлю Джасперу. Это был мастерский удар. Семья Джасперов была одной из наиболее известных буржуазных династий в стране. Брат Жюля был премьер-министром" [9, р.23,24].

Такую же схему мы встречаем позднее в Японии. "Макс Клаузен (помощник Зорге. — А.Д.) ...попросил меня передать Москве, что если они вышлют 20 тыс. долл., он сможет открыть склад радио и электротоваров в Йокогаме, что послужит прекрасной "крышей" и заодно позволит покрывать текущие расходы" [9, р.113].

Сам руководитель советской разведки говорил об устойчивом "паттерне", поскольку тот обладал простотой и эффективностью. Уже после побега за рубеж, просматривая прессу, он узнает привычную схему: "Я распознал в газетных сообщениях знакомую советскую схему. Приобретение старой банковской фирмы группой неуловимых "канадско-американских" предпринимателей... — все это лишь маскировка, которую привычно набрасывает наша разведслужба" [8, р.139].

Другой пример. "12 мая 1927 года Скотланд Ярд наложил арест на офис компании Аркос Лимитед — компании, созданной на капитал России и заявленной Советским Союзом как организация по экспорту-импорту. Она содержала штат в 1 тыс. человек. Невероятно большое количество по любым меркам. В результате операции ...была обнаружена связь между Русской торговой миссией и компанией Аркос Лимитед, которые

находились в одном здании. Были конфискованы оружие, пропагандистские фильмы и другие материалы подрывного характера" [16, p.62].

Почему эта схема была столь популярна? Ответ прост: "Мы обеспечивали капитал. Мы обставляли офисы. Мы гарантировали прибыль. Найти людей было нетрудно" [9, p. 104].

Остается вопрос: сравнимы ли масштабы операций — создание склада и организация и содержание института? Есть прямые свидетельства, что масштабы операций советского руководства могли быть поистине грандиозными, когда речь шла о целых странах. Так, в начале войны в Испании, те же лица ("Кляйне" и др.) в течение десяти дней сумели открыть сеть подставных фирм, которые не только "отмывали" деньги, но и снабжали оружием армию. Такие фирмы были организованы в Париже, Лондоне, Копенгагене, Амстердаме, Цюрихе, Варшаве, Праге, Брюсселе и других городах.

В 1920-е годы, когда Россия находилась в крайне тяжелом финансовом положении, Коминтерн не жалел средств для мировой революции.

Айно Куусинен, жена крупнейшего политика того периода, описывает Германию 1922 года следующим образом: "Я последовала этому совету (посетить Германию. — А.Д.), не имея ни малейшего представления о текущей ситуации в стране. В результате инфляции экономика была в хаотическом состоянии, цены взлетали день ото дня, и еды постоянно не хватало. ...Мой отель не имел отопления, и я немедленно захотела вернуться в Швецию, но железнодорожные рабочие объявили забастовку, и поезда не ходили" [17, p.21]. В этой ситуации создавался Институт. При этом люди с "советской" стороны располагали немалыми средствами. Зимой 1920 года Отто Куусинен, находясь на квартире своего друга, и услышав, что ему нужны деньги на поездку, неожиданно для всех достал из кармана бриллиант ценой 40 тыс. долларов и передал со словами: "Этого должно хватить на поездку". Столь экстравагантный поступок показывает, что в то время отдельные лица, связанные с Россией, не были стеснены в средствах и запросто могли делать "широкие жесты" [17, p.20].

Когда в Берлине Айно Куусинен встретила с членом парламента, близким другом Отто, Ирйо Сиролой, бывшим министром иностранных дел Революционного правительства в Финляндии в 1918 году, тот сказал, что работает на Коминтерн и находится в Берлине по личному приказанию Ленина и Куусинена. Его задачей был сбор информации о финансовом состоянии Германской Компартии, которая запросила у Коминтерна большую сумму.

Следовательно, уже с 1918 года советское правительство дотировало Компартию Германию "большими" суммами. В 1922 году Куусинен послал своего двоюродного брата, адвоката Эйнари Лаасковирта в Германию для конвертирования большой суммы рублей в западную валюту, чтобы профинансировать коммунистические операции в Европе [17, p.22]. Напомним, что Зорге встречал Куусинена вместе с Лозовским и Мануильским в 1924 году, исполняя роль их проводника, переводчика и личного телохранителя.

Таким образом, становятся ясны функции и контакты Зорге и то, как использовался Институт, пусть даже и без ведома его официальных руководителей. Правда, здесь тоже возникают вопросы — Зорге был женат на бывшей жене директора Института. Его переезд в 1922 году во Франкфурт описывается в русских источниках так: "В конце 1922 года ЦК КПГ дал согласие, и друзья помогли ему занять пост ассистента на социологическом факультете Франкфуртского университета... Но это было лишь прикрытием для основной, нелегальной партийной работы в городском комитете партии. Как член горкома Зорге занимался вопросами пропаганды и воспитательной работы, оказывал большую помощь местной коммунистической газете, осуществлял нелегальную связь между ЦК КИГ в Берлине и коммунистической организацией во Франкфурте. На его имя переправлялись из Берлина денежные партийные фонды, секретные пропагандистские материалы" [7, с. 13].

22-23 октября 1923 года была совершена неудачная попытка вооруженного восстания в Германии. Ленин несколько дней не отходил от телефона, напряженно ожидая сведений о начавшейся мировой революции. К его сожалению, восстание потерпело полный провал. Только Тельман поднял свои отряды на борьбу. Рабочие не поддержали восставших. Из-за неразберихи с сигналом о начале выступления большинство организаторов было арестовано, не успев проявить себя. Радек и Тельман, лично организовавшие восстание, позднее в присутствии Розы Майер подрались, выясняя, кто виноват в провале. Не помогли ни денежные вливания, ни активная подпольная деятельность. Начались репрессии. Необходимо было срочно спасать кадры. Зорге некоторое время находился в глубокой депрессии. Через некоторое время он получает приглашение из Москвы и покидает стены Франкфуртского университета.

Судьба его "друзей" неизвестна. Мозаичные факты, всплывающие то тут, то там, не позволяют делать определенных выводов. Например, Вальтер Беньямин во время посещения России (где написал известные "Московские дневники") выступил в газете "Вечерняя Москва" под псевдонимом "Оттомар Гешке" в ярко коммунистическом стиле. (Фил Слейтер сделал странное замечание о том, что "отношения между Вальтером Беньямином и Франкфуртской школой не могут еще быть окончательно установлены из-за секретности фондов, относящихся к Институту" [3]. Но это тема отдельного исследования.)

В заключение постараемся ответить на вопрос, были ли создатели Института марионетками или они знали о деятельности, развернувшейся вокруг этого предприятия. Вот что пишет Роза Майер: "Партия включала некоторых весьма значительных людей, среди них австрийская герцогиня Херминия Цюр Мехлен, Виттфогель, будущий эксперт по китайским делам, миллионер Феликс Вейл и знаменитый впоследствии шпион экстракласса Рихард Зорге. Вейл, создатель и владелец Института, доминировал на сцене..." [12, p.60].

Здесь Феликс Вейл уже не выглядит "денежным мешком", он — активный участник событий, осознающий, что происходит. Более того, его связывали с лидерами компартии более чем дружеские связи. Он был женат на дочери "ветерана социализма", теща Феликса Вейла была ближайшей подругой Клары Цеткин.

Круг революционеров, собравшихся на "первые марксистские рабочие недели", где возникла идея создать Институт, был действительно узок. Становится ясным присутствие Зорге, Константина Цеткина, возникновение самой идеи и ее финансирование. Лица, участвующие в этой затее, были связаны либо узами давней дружбы и партийной работы, либо семейными узами.

Позднее большинство немецких коммунистов погибло либо от рук нацистов, либо в сталинских лагерях. По иронии судьбы, Франкфуртская школа стала известной благодаря работам, разоблачающим фашизм. Возможно, личный опыт тех, кто стоял у ее истоков, сыграл здесь свою роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cohen S. Rethinking the Soviet experience. London: Oxford University Press, 1985.
2. Rees J. In Defence of October // International socialism. N 5, p.9.
3. Slater P. Origin and significance of the Frankfurt School. London, 1967.
4. Bottomore T. The Frankfurt School. London, 1984.
5. Jay M. The dialectical imagination. Boston, 1973.
6. Deakin F.W., G.R.Storry. The case of Richard Sorge. London, 1966.
7. Волков Ф.Д. Подвиг Рихарда Зорге. М.: Знание, 1976.
8. Колесникова М., Колесников М. Рихард Зорге. М.: Молодая гвардия, 1971.
9. Perrault G. The Red Orchestra. London, 1968.

10. Wiggershaus R. The Frankfurt School: Its history, theories. Cambridge, 1994.
11. Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Правда, 1964. С.343.
12. Levine-Meyer R. Inside German Communism. London: Pluto Press, 1977.
13. Roque D. Miquel Marmon. New York: Curbstone Press, 1987.
14. Delgado E. Hombres made in Moscow. Mexico DF, 1960.
15. Alba V. El Partido Comunista en Espana. Barcelona, 1979.
16. Goren R. The Soviet Union and terrorism. London, 1984.
17. Kuusinen A. Before and after Stalin. London, 1974.